

вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель. Один из представителей советской власти Золотарёв появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привёз тело Корнилова; но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарёва честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезён не отрядом Золотарёва, а Темрюкцами. Появились фотографы; с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части и обрывки разбрасывались кругом. Несколько человек оказались на дереве и стали поднимать труп. Но верёвка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела...

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях...

В один день не удалось докончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растапывали ногами и потом опять жгли⁴⁶⁵».

Борьба генерала Корнилова, как и жизнь его, отданная этой борьбе, были окончены...

6.14. Медведовская. Подвиг генерала Маркова. Прорыв

Уже перед закатом Деникин отдал приказ выступить. Обстрел колонии почти прекратился. В опустившейся темноте точный прицел взять было затруднительно, и последние сна-

⁴⁶⁵ Пепел потом забили в ствол орудия и, выстрелив в сторону Кубани, развеяли его над рекой. Вся эта неприглядная история не афишировалась, но и совершенно не скрывалась советскими источниками, что заставляет не сомневаться в её достоверности.

И это тот случай, когда комментарии не только излишни, но и недопустимы. К сказанному Деникиным ничего не прибавить и не убавить. И каждый вправе и обязан определить своё отношение к происшедшему сам.

ряды падали далеко в стороне. Первым тронулся обоз. На всякий случай для введения противника в заблуждение колонна стала вытягиваться поначалу строго на север и углубилась в прикрывающую её лощину. Было ли замечено движение, неизвестно. Несколько гранат разорвались на холмах, и советские батареи замолчали.

Уже ночью роты Офицерского полка сняли охранение и скорым шагом вышли к своей бригаде. Вновь образованная колонна двинулась, наконец, вперёд в следующем порядке. В голове её ехал командир 1-й бригады генерал Марков в сопровождении начальников: генерала Боровского, полковников Тимановского, Туненберга, Бонина⁴⁶⁶, подполковника Миончинского⁴⁶⁷. За ними следовали офицеры связи, конвой и команда подрывников. Далее – 1-я батарея, Офицерский и 1-й Кубанский стрелковый полки и 1-я инженерная рота.

На некотором удалении следовали генералы Деникин и Алексеев со штабом Армии. Далее – обоз с походным лазаретом впереди и арьергард, который составляла 2-я бригада генерала Богаевского. С левого фланга колонну прикрывал 1-й Конный полк. С правого – Черкесский. Конница на своём пути разрушала и портила все встречные мостки.

Пройдя несколько километров, колонна повернула на восток. Около 5 часов 3(16) апреля от направленного вперёд разъезда прибыл к Маркову офицер и доложил, что на переезде, расположенном южнее Медведовской, в железнодорожной будке виден свет, но на путях никого не замечено.

Генерал тут же остановил колонну, а сам с несколькими конными проехал к переезду. Не доезжая путей, Марков спешил и в сопровождении трёх офицеров, не раздумывая, вошёл в будку. Там находились два человека, которых сразу же отгеснили от телефона.

– Я генерал Марков. Кто на станции?

Перепуганные железнодорожники ответили, что на путях

⁴⁶⁶ Командир 1-й инженерной роты.

⁴⁶⁷ Марков на ходу обсуждал с командирами частей перспективы неизбежного предстоящего боя. Все понимали, что от его исхода зависит дальнейшая судьба и само существование Армии.

стоит под парами бронепоезд и два эшелона с красногвардейцами.

– Колонне – вперёд! – передал Марков команду офицеру связи. – И остановиться, не доходя шагов 200 до железной дороги.

Приказ его был выполнен в несколько минут. Колонна не успела ещё подойти на заданную дистанцию, как в будке раздался телефонный звонок. Марков поднял трубку.

– Спокойно ли на посту? Нет ли кадет? – спросили со станции.

– Совершенно спокойно, – как ни в чём не бывало, отвечал генерал. Однако ему сообщили, что бронепоезд всё же подойдёт «для верности» к переезду.

– Пришлите, товарищи, – вновь не растерялся Марков. – Оно будет вернее.

Подъехавшим к будке начальникам генерал сообщил:

– Сейчас подойдёт красный бронепоезд. Его мы не должны упустить...

И тут же начал раздавать короткие чёткие распоряжения. Всё происходило очень быстро, но о суетливости не было и речи. Марков, казалось, заранее знал, чем кончится всё на переезде, и заранее продумал, что и как будет делать.

Подполковнику Миончинскому было приказано перевести одно орудие через полотно и поставить с таким расчётом, чтобы стрелять в бок бронепоезда в упор. Второе же расположить у переезда для стрельбы вдоль железнодорожных путей.

Полковник Банин должен был сорвать телеграфные и телефонные провода от разъезда в сторону Новотитаровской, выслать в ту же сторону команду подрывников и разрушить пути⁴⁶⁸, как только возможно дальше от места предстоящего перехода «основных сил», и завалить шпалами рельсы у переезда.

Генерал Боровский получил приказ выслать сильный заслон в сторону Медведовской для прикрытия последующего движения Армии, часть сил расположить вдоль железнодорожного полотна, часть – перевести через пути и также выставить заслоном в сторону станции.

⁴⁶⁸ При этом Марков подчеркнул: «Это задание нужно выполнить. В нём наше спасение».

Артиллерийской роте с конвоем надлежало немедленно занять станицу Медведовскую⁴⁶⁹.

Кубанскому стрелковому полку – оставаться в резерве.

Уже через 5 минут орудие штабс-капитана Шперлинга стало на позиции в 60 шагах от полотна и изготовилось к стрельбе. Роты залегли на определённых им участках.

Вдоль полотна выхаживал в полном одиночестве заметно нервничающий Марков. Прискакал конвоец с донесением, что большевиков в станице нет. Тут же генерал приказал конвою атаковать станцию, а команде выздоравливающих оставить обоз и выдвигаться к Медведовской.

Время шло, а предрассветную тишину ничто не нарушало. Многие в цепях, сжав в руках трёхлинейки, уснули. Видимо, не надеясь уже на прибытие бронепоезда, Марков решил выманить его к переезду, обозначив некоторую активность. Только этим можно объяснить следующий приказ генерала. Подойдя к залёгшей 4-й роте и высмотрев по золоченым погонам полковника Биркина, Марков приказал ему выйти с правой стороны от полотна к станции и атаковать её, но если встретится бронепоезд, «ничем не выдавать своего присутствия».

Полковник был весьма смущён открывающимися перспективами, однако безропотно поднял взвод в 10 штыков и пошёл к Медведовской. Находясь на полпути к станции, Биркин увидел силуэт медленно продвигавшегося навстречу бронепоезда. Выдержки у части его людей не хватило. До половины взвода побежали к угадываемому невдалеке леску, оказавшемуся станичным кладбищем. Сам полковник с оставшимися укрылся в канаве у насыпи, атаковать станцию после происшедшего не решился и повернул назад.

Едва бронепоезд стал приближаться к переезду, добровольцы ближайшей к полотну роты вскочили, как по команде, и устремились прочь. Пока начальники сумели их остановить, люди успели отбежать шагов на полтораста. Всё это «шевеление» заметили с бронепоезда.

– Кто там? – выкрикнули оттуда, но никто не отозвался.

Веером рассылая в ночь пули прострочил коротко из башни

⁴⁶⁹ Станица была расположена восточнее станции и станционного посёлка.

пулемёт и смолк. Бронепоезд всё так же медленно и осторожно продолжал продвигаться вперёд. У будки его уже ожидал генерал Марков. Сняв приметную белую папаху, известную всей Армии, генерал рассчитывал, где лучше остановить бронепоезд, чтобы подставился под огонь борт паровоза. Определившись, он бесстрашно пошёл навстречу.

– Кто у пути? – раздался оклик.

– Не видите, что свои, – выкрикнул в ответ первое, что пришло в голову Марков и добавил для верности площадную брань. Подойдя вплотную к остановившемуся паровозу, бросил в кабину машинистов заранее приготовленную ручную гранату. Раздался взрыв.

– Орудие – огонь! – кричал что было сил генерал, отбегая от бронепоезда. Если машинисты и уцелели, и собирались дать задний ход, времени на это у них уже не оставалось. Первый снаряд орудия Шперлинга разорвался под колёсами, корёжа и ломая металл. Паровоз словно осел всей своей тяжестью на насыпь. Второй снаряд угодил прямо в котёл, взорвавшийся изнутри⁴⁷⁰. Бронепоезд застыл на путях. Оба его орудия и несколько пулемётов стреляли во все стороны.

Но в ответ продолжали стрелять в упор орудия и пулемёты 1-й батареи. От прямых попаданий загорелись вагоны. Заряд картечи, пущенной с бронепоезда, накрыл расчёт одного из батарейных пулемётов, в клочья разорвав четверых артиллеристов. Грянуло дружное «ура» 4-й и 1-й инженерной рот, бросившихся в атаку на попавший в западню, наполовину разрушенный уже бронепоезд. Надо отдать должное его экипажу, сплошь состоявшему из черноморских моряков. Сражались они до последнего, стараясь дорого продать свои жизни. Моряков забросали ручными гранатами и всех вскоре перебили. Лишь один выскочил из разбитого вагона в горящем бушлате. И Марков, неожиданно для всех, приказал оказать ему помощь.

⁴⁷⁰ В. Иванис утверждает, что паровоз был подбит не Шперлингом, а Н.А. Шаколи. Думается, добровольцам, чьи жизни зависели от удачной стрельбы артиллеристов, и самим номерам 1-й батареи, в ту минуту, да и позднее, оспаривать первенство, тем более, уточнять национальную принадлежность друг друга, и в голову бы не пришло.

Сам генерал думал уже о другом. Офицерскому полку было приказано атаковать станцию *всеми силами*. Кубанскому – быть в готовности его поддержать. К колонне поскакал офицер связи с распоряжением немедленно начать движение и пересечь полотно как можно скорее. На глаза Маркову попался вернувшийся к переезду полковник Биркин.

– А вы что тут делаете? – закричал генерал. – Я послал вас атаковать станцию!

– Вам хотел помочь, Ваше Превосходительство...

– Не надо мне никакой помощи... Впрочем, оттащите скорей заднюю платформу с орудием и вагон со снарядами. Скорее, пока не загорелись!

Добровольцы Биркина вместе с артиллеристами отцепили и откатили в сторону платформу с вагоном. К орудию на платформе вскочил Миончинский с номерами и сразу же открыл огонь по станции. Уже рассветало, и видно было, как разрываются облачка шрапнели над вышедшим было на подмогу бронепоезду красногвардейским эшелоном.

– В атаку на станцию! Живо! – крикнул генерал Биркину и тут заметил, как один из прапорщиков, потеряв в скоротечном бою ориентировку, подкладывает под вагон с боеприпасами охапку соломы. – Шмидт, что вы делаете? Там снаряды!

Обоз торопился вырваться в степь. Одна за другой подводы и телеги переезжали через пути и уносились к Медведовской.

Тем временем Офицерский полк подходил к станции. Справа от железной дороги правофланговая 5-я рота атаковала первой, но встреченная плотным огнём, вынуждена была отойти в район кладбища. Остановилась и соседняя с ней 4-я рота. Однако на левом фланге полка 1-я, 2-я и 3-я роты опрокинули красногвардейцев, заняли их окопы, а затем, с разгона, посёлок и станцию.

Оба эшелона поспешно ушли на Тимашевскую, обстреливаемые с короткой дистанции. Ускользнуть им удалось лишь по той причине, что вместе с пехотными ротами не наступала артиллерия. Всё же многим красногвардейцам пришлось прыгать на подножки уже на ходу. Немалая их часть не успела вскочить в ушедшие составы. Они пытались уйти, перейдя полотно, но там

С. Л. Марков

офицеров и навёл порядок.

На переезде разгружали боеприпасы из разбитого бронепоезда. Всего перенесли на подъехавшие подводы до 360 снарядов и 100000 винтовочных патронов, а также немалое число набитых пулемётных лент⁴⁷¹. Это было спасением для Армии. Теперь она могла дать не только штыковой бой, но и на огонь ответить огнём.

Артиллеристы собирались принять на вооружение захваченные орудия и вновь довести состав 1-й батареи до 4-х орудийного. Номера уже скатывали их с платформ, однако Марков запретил и приказал немедленно орудия испортить.

Обоз всё шёл и шёл нескончаемой лентой. На городское кладбище свозили *своих* убитых. Наскоро похоронили их в братской могиле. В Офицерском полку погибших было 15 человек, раненых – до 60. 1-я батарея четверых своих убитых похоронила прямо у переезда⁴⁷².

⁴⁷¹ В разгрузке приняли участие и легко раненые из обоза. Возможно, это помогло спасти от огня больше боеприпасов и имущества.

⁴⁷² Ранение в плечо получил и капитан Шаколи. Миончинский приказал ему идти в лазарет, однако капитан предпочёл остаться с орудием.

попали под удар возобновивших наступление 4-й и 5-й рот, и все почти погибли.

На станции большевиками был оставлен состав с провиантом, бельём, медикаментами и прочими атрибутами окопного быта. Соблазн был так велик, что многие добровольцы, забыв о преследовании противника, спешили рассеяться по домам посёлка в поисках пищи. Из 100 бойцов 1-й роты, при потерях до 15 штыков, к северной окраине посёлка вышли лишь 20. В остальных ротах ситуация была немногим лучше. Прибывший на станцию Деникин, не выбирая выражений, отчитал

Сюда же прибыл со станции Деникин. Внешне спокойный Марков доложил Командующему подробности захвата бронепоезда. Два генерала ещё с войны и Быхова понимали друг друга с полуслова. Куда более популярный в Армии Марков на Великой войне неизменно был в подчинении у Деникина. Испытывал к нему искреннюю симпатию, неизменные почтительность и уважение. К тому же, в отличие от Корнилова, с новым Командующим *до принятия решения* вполне можно было обозначить своё видение ситуации и обсудить предстоящие действия. И это, пожалуй, больше помогало⁴⁷³.

Некоторое возбуждение, однако, ещё не оставило генерала. А с ним и неизменная в бою весёлость.

– Один свой же мерзавец, – улыбаясь, рассказывал Марков Командующему, – так хлопнул из винтовки у меня над ухом, что я чуть не огрел его нагайкой. Отделался я шумом в ухе...

К Деникину прибыл разъезд от Эрдели. Доклад оказался неутешительным. Конный полк нарвался на крупный отряд Красной гвардии, понёс потери и вынужден был, предварительно испортив, бросить только что выделенное в бригаду орудие. Деникин приказал бригаде двигаться сразу в станицу Дядьковскую, а Черкесский полк предоставить в распоряжение генерала Маркова, которому предстояло идти теперь в арьергарде.

Обоз, наконец, прошёл. За ним скорым шагом двигалась через переезд 2-я бригада. Деникин вскоре уехал в Медведовскую. Марков приказал 1-й бригаде в полном составе перейти в станицу, а Черкесскому полку находиться у переезда, выслать разъезды и ждать новых распоряжений.

Армия остановилась в Медведовской лишь на короткий привал и сразу же проследовала на Дядьковскую. В голову колонны стала на этот раз 2-я бригада. За ней следовали «главные силы». В арьергарде на некотором удалении шёл 1-й Кубанский стрелковый полк. Марков посчитал возможным присоединить его к колонне, так как преследование большевиками организовано не было.

В станице задержались ненадолго Офицерский полк, 1-я инженерная рота и 1-я батарея. Через час им было приказано

⁴⁷³ Во всяком случае, до тех пор, пока Деникина окружали порядочные люди.

выстроиться у северо-восточной окраины Медведовской. Построение выявило неблагоприятное состояние полка. О масштабах потерь *догадывались*, но всё же не ожидали, что их будет так много. В строю Офицерского полка вместе с приданной Артиллерийской ротой оставалось менее 300 добровольцев. При этом 2-я рота насчитывала 9 штыков. Обнаружили нехватку ещё 20-30 человек, которые уцелели после боя за станцию и переезд. Собирались организовать их поиски, но тут раздалась команда и к строю приблизилась группа всадников. Впереди под национальным трёхцветным флагом ехал Командующий. Рядом – Марков, чья огромная белая папаха безошибочно выдавала своего хозяина. Удивительно, но факт, Деникина многие увидели впервые. Генерал был в расстёгнутом пальто, но под ним проглядывал военный мундир с двумя Георгиевскими крестами на шее и груди.

Поздоровавшись с частями, Командующий поблагодарил их за одержанную победу, которая без преувеличения спасла Армию. Затем вызвал к себе подполковника Миончинского и выразил ему отдельную благодарность. Повернувшись к находившемуся рядом Маркову, Деникин стал благодарить и его, но генерал, несколько даже смущённый, указал на 1-ю батарею:

– Ваше Превосходительство! Это не я, а они. Сегодня день артиллеристов.

После этого Деникин со штабом поскакал вперёд, а Марков вернулся в расположение Черкесского полка. Части 1-й бригады стали нагонять оторвавшуюся от них колонну.

До взвода офицеров, отсутствовавших на построении, во время предоставленного 2-часового отдыха отправилась на поиски съестных припасов. Встреченные весьма радушно, они наелись впервые за несколько дней и тут же заснули, попросив хозяев разбудить по построению полка. Разбудили их куда позже, части к этому времени уже оставили станицу. Опасаясь быть захваченными, группы из двух-трёх добровольцев выскакивали из домов приютивших их хозяев и спешили нагнать видневшийся далеко впереди полк.

Не меньше десятка таких групп растянулось по дороге. Им вслед выехала из станицы кавалькада всадников. Шедшие по-

следними добровольцы повернулись навстречу и выставили, было, штыки, но тут же различили белую папаху и, ожидая выволочки, стали «смирно».

– Здравствуйте, друзья мои! – крикнул им на скаку Марков.

– Здравия желаем, Ваше Превосходительство! – ответили добровольцы.

Они настолько были поражены, что генерал *сразу* понял и принял причину их отставания, что, не сговариваясь, разом выкрикнули ему вслед громкое «Ура!» Оно тут же было подхвачено остальными отставшими группами, достигло полка, и, едва Марков поравнялся с колонной, усилено и умножено им многократно...⁴⁷⁴

Пройдя до 15 километров, поздним вечером 1-я бригада вошла в станицу Дядьковскую, где уже стояли на днёвке остальные части и обоз.

6.15. Дядьковская. Успенская. Лежанка

В Дядьковской Армия была встречена с большим радушием. Казаки не пожалели для добровольцев ни съестных припасов, ни кровя для ночлега. Впервые за много дней люди выспались под крышами домов в относительно комфортных условиях.

Армия постепенно оправлялась от глубоких ран Екатеринодара. И первым признаком этого были возобновившиеся среди

⁴⁷⁴ «...среди всех трудностей, – пишет Львов, – наша армия, которую можно назвать армией не по её числу... но по её внутренней силе, сумела пробить себе путь...

...целый ряд счастливых случайностей выручал нас от неминуемой гибели. Там большевики не взорвали большой мост через Кубань, у станицы Усть-Лабинской... Взорви они мост, и путь нам был бы преграждён...

А там, у большевиков не хватило смелости пойти на нас в наступление. Будь у них больше решимости, и какой-нибудь десяток, другой юнкеров был бы раздавлен численным превосходством.

Сколько раз они могли напасть на обоз с нашими ранеными и переколоть всех. Для охраны обоза у нас не хватало людей. И, тем не менее, они ни разу не отважились на решительное наступление...

Чего-то у них не хватало, и напротив, что-то было в наших людях, что мешало противнику действовать решительно и покончить с нами одним ударом.

Вот это нечто, что заключается в самом человеке и приводит к тому, что десяток людей стоит целого батальона, и один полк разбивает дивизию».